

УДК 811.161.1

ЖУРНАЛИСТСКИЙ ТЕКСТ НА ШКАЛЕ БЕЗУСЛОВНОЙ И ПРОБЛЕМНОЙ ДОСТОВЕРНОСТИ

А. В. Белоедова

Белгородский
государственный
национальный
исследовательский
университет

e-mail:
beloedova@bsu.edu.ru

В статье рассматриваются вопросы, связанные с достоверностью журналистского текста и приемами верификации фактологической информации. Особое внимание обращается на градуальный характер категории достоверности, которая предстает в тексте на шкале безусловной и проблемной достоверности в виде языковых и речевых маркеров.

Ключевые слова: журналистский текст, факт, достоверность, мета-языковой комментарий, рефлексив.

Обращаясь к проблеме достоверности журналистского текста, необходимо вычлени его из многообразия других текстов, функционирующих в массовой коммуникации (PR-текст, рекламный текст и др.). Самостоятельность журналистского текста проистекает из основополагающих принципов, целей и функций журналистики как общественной деятельности по сбору, обработке и периодическому распространению актуальной социальной информации. Информация, представленная в тексте, в идеале должна соответствовать критериям объективности, достоверности, актуальности, релевантности. Но сегодняшнее отношение журналистского текста к действительности – это не отражение, а «преобразование действительности текстом, осуществляемое говорящим и слушающим» [3, с. 33]. Предметом такого «диалога» между журналистом и его аудиторией выступает актуализированная современность или факт.

Факт в журналистском произведении – это «достоверное отражение фрагмента действительности, обладающее реальной репрезентативностью» [8, с. 156]. Факт занимает центральное место в журналистском тексте, журналист «вычленяет фрагмент действительности, а в нем определенный аспект, концептуализирует его, структурирует по модели суждения (т.е. вводит значение истинности), верифицирует и тогда только он получает факт» [1, с. 155]. Вместе с тем журналистский текст – это не просто линейное изложение фактов события или явления. В современном российском обществе циркулирует неисчислимо множество различных по типу и идеологической направленности средств массовой информации, которые представляют и интерпретируют факты в русле своей идеологии. В журналистский текст попадают не только факты, но и различная по степени достоверности информация, которая отнюдь не вписывается в «контрадикторную оппозицию истины и лжи (соответствия / несоответствия действительности)» [1, с. 154]. Баланс между фактом и его интерпретацией журналистом, который учитывает интенции, коммуникативные цели, фактор адресата и др., в медиадискурсе обеспечивается категорией достоверности. Она является «обязательной, информативной категорией оппозитивного типа, носящей градуируемый характер <...> со структурой в виде шкалы (безусловная достоверность – проблемная достоверность – безусловная недостоверность)» [10, с. 34].

В филологических и энциклопедических словарях достоверность понимают как *подлинность, реальность* [7, с. 437], *«обоснованность, доказательность, бесспорность знания»* [13, с. 247], *«синоним истины»* [14, с.162], *форму существования истины, обоснованной каким-либо способом* [11, с. 356]; *не вызывающее сомнений, надежное свойство по знач. прил. «достоверный»* [СО, с. 154]. Синонимичные лексемы к слову «достоверность», представленные в словаре А.Ю. Кожевникова, полностью коррелируют с функцией этой категории в организации медиакommunikации: *авторитетностью и надежностью источников информации, валидностью и проверенностью методов сбора информации, документальностью, фактичностью, точностью, подлинностью журналистского текста. В составе антонимов достоверности оказываются ненадежные источ-*

ники, *фальсифицированные* методы сбора информации, *вероятностный, недостоверный, ошибочный* медиатекст [4, с. 206].

Обязанности журналиста поставлять обществу достоверную информацию регулируются институционально (законодательными документами) и конвенционально (этическими кодексами). Однако абстрактное требование достоверности информации и установка на честность журналиста – «это идеал, который в действительности подвергается нескончаемой проверке на прочность» [6, с. 137]. В научной литературе существуют различные способы верификации высказываний: непосредственное сопоставление медиасобытия с реальными событиями; сравнение с высказываниями других участников события; приведение дополнительных данных, в том числе из нескольких независимых источников [5, с. 155]. Вместе с тем существующие практики верификации журналистских текстов далеко не всегда дают возможность определить степень достоверности и надежности информации. Оценить информацию, подаваемую в СМИ как несоответствующую действительности, можно лишь опираясь на бесспорные свидетельства. Исследователи отмечают, что сложная область верификации текстов находится в ведомстве медиаправа, и порой лишь решение суда способно установить соответствие / несоответствие тех или иных текстовых фрагментов истине. Чаще всего подобные дела касаются исков о защите чести, достоинства и деловой репутации.

Надежность журналистского текста повышают такие маркеры, как **приведение точных фактических данных**. Это могут быть имена героев, даты событий, названия мест, где события произошли, цифры, статистические данные. Вместе с тем именно цифра позволяет журналисту завуалировать негативный эффект события и воздействовать на смысловое поле аудитории в нужном ему направлении. Так, в «Российской газете. Неделя» (4 июля 2013) был опубликован комментарий, касающийся аварии ракеты «Протон-М» с тремя спутниками ГЛОНАСС на борту. Тональность заголовка «47-й фальстарт в Казахстане» не стыкуется с оптимистической концовкой текста: *«В общем, хоть и жалко «Протон-М», но истерить и посыпать голову пеплом вряд ли стоит. Аварии были, есть и будут у всех и всегда»*. Коммуникативная интенция автора – убедить аудиторию, что ничего страшного не случилось, и делает это журналист через манипулятивную работу с цифрами. Практически весь текст состоит из статистических данных, характеризующих количество удачных и неудачных запусков космических аппаратов в России и США в 2004 – 2010 гг. Согласно этим данным, процент неудач у России ниже, чем у США. Однако за пределами текста остается информация о том, что «фальстарты» характерны для России последних лет, не принимаются во внимание масштабы неудачных запусков и реальное состояние дел в области космонавтики. С нашей точки зрения, в тексте используется и такой манипулятивный прием создания эффекта достоверности, как совмещение плюсов и минусов: *«Никто не пострадал: обломки упали в 2,5 км от места старта. Ядовитое облако, образовавшееся из компонента сгоревшего ракетного топлива гептила, не дойдет до населенных пунктов Казахстана, считают эксперты*. И в следующем абзаце: *«Это 47-й фальстарт «Протонов» из почти 400 пусков. Старт был застрахован, так что страховые компании выплатят страховку и поднимут премии в следующие разы»*. В результате нанизывания отрицательных и положительных смыслов у читателя создается впечатление, что случившееся – рядовое событие, которое не связано с общей ситуацией в космической отрасли.

Достоверность журналистского текста сопрягается также с **цитатной речью**, апеллирующей к выступлениям наших политиков, общественных деятелей, современников, к их речам, произнесенным накануне. Такие цитаты усиливают точность, надежность, авторитетность журналистского текста. В идеале актуальная цитата должна интерпретироваться автором текста и его получателем в соответствии с тем пониманием первоисточника, из которого цитата заимствована и на которую ссылается создатель нового текста. Однако на деле цитата, изъятая из своего контекста и перенесенная в новое окружение, препарированная и прокомментированная журналистом, обрастает новыми коннотациями и смыслами. Проверить цитатную речь можно лишь обратившись к первотексту, что не всегда представляется возможным. Искусное использование цитат оказывается в журналистском тексте многофункциональным приемом. В качестве примера приведем материал «Консул России допустил выражение», опубликованный в общественно-политической газете «Собеседник» (№ 20, 2013). Информационным поводом для напи-

сания журналистского комментария явилось эпатажное высказывание генконсула России в Крыму, в котором он *фактически оправдал депортацию с полуострова крымских татар*. Создатель текста охарактеризовал персонажа через подбор соответствующих цитат, по сути разоблачив дипломата его прямой речью: *«Я остаюсь полностью при своем мнении, а заявление МИД расцениваю как беспомощное, глупое и беспринципное, позорящее МИД России. За такое заявление надо наказывать всех, кто их пишет и кто разрешает их публиковать»*.

Усиливает впечатление достоверности информации **количество источников**, особенно если все они говорят практически одно и то же. О достоверности может говорить и имя автора материала, если он авторитетен, для многих адресантов оно служит гарантией правдивости текста. На достоверность также работает и четкое отделение фактов от предположений, версий, слухов. Так, в материале «Как Хабенский «глобус пропил»» («Экспресс-газета», 1 ноября 2013) есть сигналы (вероятно, некоторые коллеги), которые подсказывают читателю, что высказанные заявления всего лишь предположения, что источники информации ненадежные: *«Этого же мнения, вероятно, придерживается и актриса Ольга Литвинова, которая, как уверяют некоторые коллеги Хабенского, уже пару месяцев как его законная супруга (до этого, кстати, барышня жила с Максимом Виторганом)»*.

Показателями степени достоверности выступают **метаязыковые комментарии**, которые помогают преодолеть смысловую неопределенность в журналистском тексте. Такие конструкции, содержащие оценку речевой деятельности говорящего, называют рефлексивами, под рефлексивом понимается «метаязыковое комментирование актуальной для современного словоупотребления лексической единицы» [2, с. 51]. Е. И. Шейгал под метаязыковым рефлексивом понимает «специфический речевой акт, целью которого является снятие информационной энтропии, коррекция сообщения в сторону уточнения, приближение к истине» [15, с. 133]. Данное положение высвечивает важную роль рефлексива в качестве показателя степени достоверности журналистского текста. Вербально выраженный комментарий в тексте ориентирует аудиторию издания на восприятие информации как соответствующей действительности, убеждает в искренности говорящего (*честно скажу, признаюсь, буду откровенен*) или служит индикатором искажения информации, ее недостоверности (*говорят, точно не могу сказать, не знаю наверняка, но*):

««Не знаю, что они хотели услышать. Мне потом сказали, чтобы я даже по телефону аккуратно разговаривала», - призналась Липницкая» («Восемь вопросов про пять колец». «РГ Неделя». 27.02.2014); *«Но я уверена: многое, если не все, решает личность автора»* («Вся страна – одна команда!». «АиФ». 26.02.2014); *«То, что сейчас происходит, - и вандализм, и государственный переворот, - пафосно заявил 22 февраля уже сбежавший из Киева Янукович. - По моей машине стреляли. Но у меня нет страха...»* («Кровавая уступчивость». «АиФ». 26.02.2014); *«России не стоит спешить признавать новую власть, - уверен Сергей Марков, политолог»* («Поможет ли Россия украинцам?». «АиФ». 26.02.2014); *«По красоте, по комфорту, по качеству спортивных арен сочинские Игры превзошли все предыдущие. А я, как вы понимаете, многое видела»* (из интервью с Татьяной Тарасовой «Вся страна – одна команда». «АиФ». 26.02.2014).

Стоит отметить, что в создании журналистского текста участвуют не только журналисты, но и люди, являющиеся источниками информации, эксперты, которые дают комментарии и др. Поэтому под рефлексивом следует понимать речевое комментирование фактов не только говорящего, но и его собеседников. В качестве сигналов интерпретации могут выступать специальные слова и обороты, такие как: на самом деле это означает; то, что называют; смысл в том, что; то есть; точнее; фактически; на самом деле и др.: *«Говорят, когда Рада штамповала «революционные» законы, ни один депутат от компартии на самом деле в зал заседаний не пришел – мол, их лидер был избит, офисы партии разгромлены»*.<...> *«Можно сказать, что Обама «проговорился» с детской непосредственностью»* («Кровавая уступчивость». «АиФ». 26.04.2014). *«Одним из первых решений новой власти стал отказ от соблюдения Европейской хартии региональных языков. Т.е. речь идет о подавлении русского языка, культуры, русскоязычных граждан»* («Поможет ли Россия украинцам?». «АиФ». 26.04.2014).

Рассматривая политический дискурс, Е. И. Шейгал предлагает разделить рефлексивы на: акты интерпретации фактов речи и акты интерпретации денотата, стоящего за фактами речи [15, с.135-140]. В работе Н.Н. Панченко рефлексивы делятся на два типа: по знаку оценки (позитивные – негативные) и по предмету оценивания (ориентированные на языковую личность – ориентированные на сообщение) [9, с. 22 – 23]. Характеризуя рефлексивы по степени достоверности, мы делим их на три группы:

1. Рефлексивы, указывающие на достоверность информации. В тексте представлены такими языковыми единицами, как истинно, достоверно, действительно, правда, факт, истинный, подлинный, реальный. В качестве примера приведем фрагмент материала «Предпоследние из юкагиров»: *«Мамонт фигурирует в юкагирских сказках. Недавно выяснилось, что на Медвежьих островах гиганты вымерли менее 4 тысяч лет назад, и значит, юкагиры действительно были с ними знакомы»* («Русский репортер». 19.12.2013); *«Но он, безусловно, заслужил такой бесславный конец»* (о Викторе Януковиче) в материале *«Кровавая уступчивость»* («АиФ». 26.02.2014); *«То, что научная основа правотворчества до сих пор нуждается в укреплении, очевидный факт, несмотря на то, что в государственных органах есть экспертные и консультативные органы»* («С недоделками не принимаем». «РГ. Неделя». 27.02.2014);

2. Рефлексивы, указывающие на недостоверность информации. В тексте фигурируют в виде таких языковых единиц, как мнимый, ложный, неискренний, ошибочный и др. Например: *«Есть предложение дать социальные льготы из федерального центра всем, кто родился и жил в определенный период времени. Такое предложение представляется нам ошибочным»* («Сеть-совет». «Российская газета». 6.11.2013); *«Там черным по белому указаны «жертвователи» на храм – это Металлинвест Алишера Усманова и ВТБ. Так что говорить о том, что деньги (а это не менее 150 миллионов рублей только на здание часовни) собирает община – это ложь»* («Нашла коса на парки». «Русский репортер». 28.11.2013); *«Евромайдан верил, что после свержения Януковича Европа даст 150 млрд. евро, но это просто ненаучная фантастика»* («Как аукнется для России возможный раскол на Украине» («КП». 27.02.2014).

Рефлексивы, указывающие на недостоверную информацию, встречаются в СМИ в основном в комментариях как ответ на прозвучавшее выступление.

3. Рефлексивы, связанные с областью проблемной достоверности. В журналистском тексте представлены такими языковыми единицами, как вероятно, возможно, маловероятно, видимо, очевидно, думаю, говорят, заведомо. Эта группа рефлексивов делится в свою очередь на две подгруппы:

– рефлексивы, способствующие повышению статуса достоверности высказывания: *«Миграционная служба точно будет использовать, я так думаю, – прокомментировал он этот проект»* («Сеть-совет». «Российская газета». 6.11.2013); *«Велика вероятность, что на их основе будет выведен новый сорт»* («Качество – французское». «Белгородская правда». 6.11.2013); *«Важно, что наблюдается снижение числа тяжких и особо тяжких преступлений»* («Министр внутри дел». «Российская газета». 6.11.2013); *«С самого начала российских реформ наши экономисты и политики не могут ответить на вопросы, нужна ли России промышленная политика <...> Точнее сказать, политико-экономический мир России расколот в своих ответах на эти вопросы»* («Экономический конформизм». «Эксперт». 1.12.2013);

– рефлексивы, способствующие понижению статуса достоверности высказывания. Ирония, неопределенность источника информации и скрытая ссылка на стереотипы понижают впечатление о достоверности: *«Мы живем в век прагматизма, чтобы власти захотели выделить на культуру больше денег, им нужно понимать, какую пользу с этого можно получить? – Может и бог с ней, с культурой, – будем пить, есть (иронично)...Закажем ведь!»* («Отмыть душу». «АиФ». 6.11.2013); *«Говорят, деревню не спасти, потому что крестьяне русские – ленивые, пьют да воруют»* («Наш мужик никому не верит». «АиФ». 6.11.2013).

Следующий пример мог бы быть отнесен к категории безусловной достоверности, так как источником информации является эксперт, но выбранная журналистом лексика убеждает нас, что данная информация скорее недостоверна: *«Вот, что по этому поводу насовествовали нам эксперты»* («Без обмена». «Российская газета». 6.11.2013).

Достаточно часто журналисты задают тон злободневному материалу вопросом или тезисом, который можно отнести к категории слухов благодаря метаязыковому шрифтеру *говорят* или *по слухам*. Частотность этого приема позволяет проиллюстрировать газета «Аргументы и факты». Только в одном ее номере (№ 9, 26 февраля-4 марта, 2014) маркер «говорят» был использован более десяти раз в различных материалах:

«**Говорят, что** популярные блогеры, авторы интернет-дневников, должны будут регистрироваться в качестве журналистов» («Журналист от блога»); «**Говорят, что** для мигрантов построят центры, обучающие их в России» («Приезжих научат Россию любить?»); «**Говорят, что** в Японии начали делать лифт в космос» («На лифте прямо в космос!»); «**Говорят, что** разработаны разные уровни наказания для чиновников, которые утаили сведения о своих доходах и расходах» («Наказание для чиновников»); «**Говорят, что** на Украине сменили и церковную власть» («Митрополит всея Украины»).

Обычно за этой преамбулой в журналистском тексте следует комментарий или ответ (если это интервью) эксперта, в котором он либо подтверждает, либо опровергает «непроверенную информацию».

В завершении отметим, что достоверность является дискурсивной категорией, вовлекающей в зону своего действия экстралингвистические факторы, коммуникантов, их базовые целеустановки, интенции, стратегии и тактики коммуникативного поведения, обстоятельства и условия коммуникации. Понимание факта «следует искать не в независимой от языка действительности, не в положении дел или событиях, а в суждениях о действительности» [1, с. 155], которые позволяют снять в журналистском тексте информационную энтропию, скорректировать информацию на шкале достоверности.

Список литературы

1. Арутюнова Н. Д. Типы языковых значений: Оценка. Событие. Факт / Н. Д. Арутюнова – М.: Наука, 1988. – 341 с.
2. Вепрева И. Т. О функционально-системной организации рефлексивов / И. Т. Вепрева // Русский язык в контексте современной культуры. – Екатеринбург, 1998. – С. 28 – 29.
3. Казак М. Ю. Казак / Лингвистические измерения дискурса // Современный дискурс-анализ / Электронный журнал. – 2011. – № 3. – С. 31 – 37. – Режим доступа: <http://discourseanalysis.org/ada3.pdf>.
4. Кожевников А. Ю. Большой синонимический словарь русского языка / А.Ю. Кожевников // Большой синонимический словарь русского языка. Речевые эквиваленты: Практ. справ.: В 2 т. Т.1: А-Н. – СПб.: ИД «Нева», 2003. – 438 с.
5. Леонтьев, А.А. Психология воздействия в массовой коммуникации / А.А. Леонтьев // Язык средств массовой информации: Учебное пособие для вузов / Под ред. М.Н. Володиной. – М.: Академический Проект, Альма Матер, 2008. – 760 с.
6. Майданова Л. М. Проблема достоверности информации в журналистских практиках: речевой аспект / Л. М. Майданова, Э. В. Чепкина // Этика речевого поведения российского журналиста: коллективная монография / Ред. сост. д. филол. н., проф. Л. Р. Дускаева. – СПб.: Астерион, 2009. – С. 135-166.
7. МАС: Словарь русского языка: в 4-х т. / АН СССР, Ин-т рус.яз.; Под ред. А. П. Евгеньевой. – 2-е изд., испр. и доп. – М.: Русский язык, 1981. Т.1. А-Й. 1981. – 698 с.
8. Мельник Г. С. Основы творческой деятельности журналиста / Г. С. Мельник, А. Тепляшина – СПб.: Питер, 2009. – 272 с.
9. Панченко Н. Н. Достоверность как коммуникативная категория / Н. Н. Панченко // Автореферат диссертации на соискание ученой степени доктора филологических наук. – 10.02.19 – теория языка. – Волгоград, 2010. – 32 с.
10. Панченко Н.Н. Достоверность, точность, информативность как коммуникативные категории // Антропологическая лингвистика. – Выпуск 12: сборник научных трудов / Под ред. Н. А. Красавского. – Волгоград: «Колледж», 2009. – С. 31-37.
11. Прохоров А. М. Большой энциклопедический словарь / А. М. Прохоров // Большой энциклопедический словарь. 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Норинт, 2004. – 1456 с.
12. СО: Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка: Ок. 100 000 слов, терминов и фразеологических выражений [Текст] / С. И. Ожегов // Под ред. проф. Л. И. Скворцовой. – 26-е изд., испр. и доп. – М.: ООО «Изд-во Оникс»: ООО «Изд-во «Мир и Образование», 2009. – 736 с.
13. Философия: Энциклопедический словарь / Под редакцией А. А. Ивина. – М.: Гардарики, 2004. – 1072 с.

14. ФЭС. Философский энциклопедический словарь / Гл. редакция: Л. Ф. Ильичёв, П. Н. Федосеев, С. М. Ковалёв, В. Г. Панов. — М.: Советская энциклопедия, 1983. — 840 с.

15. Шейгал Е. И. Рефлективы в политической коммуникации / Е.И. Шейгал // Теоретическая и прикладная лингвистика: Межвузовский сб. науч. трудов. Вып. 3. Аспекты метакоммуникативной деятельности. — Воронеж, 2002. — С. 133 – 141.

16. Шмелева Т. В. Языковая рефлексия / Т. В. Шмелева // Теоретические и прикладные аспекты речевого общения. Вып. 1 (8). — Красноярск, 1999. — С. 108 – 110.

MEDIA TEXT ON THE SCALE OF ITS ABSOLUTE AND PROMLEMATIC RELIABILITY

A. V. Beloedova

*Belgorod National
Research University*

*e-mail:
beloedova@bsu.edu.ru*

The article deals with the ways of media texts verification. The paper is preliminary focused at the gradual dimension of the reliability which is enacted in texts as an absolute and problematic reliability as presented in linguistic and speech markers.

Keywords: media text, fact, reliability, metalanguage commentary, reflexive.